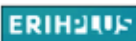
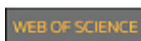

Курьянова В. В. Толстовский текст в творчестве Р. Акутагавы / В. В. Курьянова, Н. А. Сегал // Научный диалог. — 2021. — № 3. — С. 218—230. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-218-230.

Kuryanova, V. V., Segal, N. A. (2021). Tolstoy's Text in Works of R. Akutagawa. *Nauchnyi dialog*, 3: 218-230. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-218-230. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-218-230

Толстовский текст в творчестве Р. Акутагавы

Курьянова Валерия Викторовна

orcid.org/0000-0001-7570-1926

кандидат филологических наук, доцент

kuryanova_v@mail.ru

Сегал Наталья Александровна

orcid.org/0000-0002-8213-5050

доктор филологических наук, доцент

natasha-segal@mail.ru

федеральное государственное
автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского»

(Симферополь, Россия)

Tolstoy's Text in Works of R. Akutagawa

Valeria V. Kuryanova

orcid.org/0000-0001-7570-1926

PhD in Philology, Associate Professor

kuryanova_v@mail.ru

Natalia A. Segal

orcid.org/0000-0002-8213-5050

Doctor of Philology, Associate Professor

natasha-segal@mail.ru

V. I. Vernadsky Crimean Federal
University

(Simferopol, Russia)

© Курьянова В. В., Сегал Н. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье изучается свертхтекст в творчестве одного из самых популярных и загадочных писателей Японии начала XX века — Рюносукэ Акутагавы. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что проблема рассмотрения свертхтекстов — одно из перспективных междисциплинарных направлений современного гуманитарного знания. Указывается, что в литературоведении существует достаточно много работ о топонимических текстах, но очень мало трудов, посвященных именному свертхтексту, которым является толстовский текст. Подчеркивается, что особенно активно толстовский текст начал создаваться в начале XX века, а сама личность Толстого вызывала интерес не только на родине, но и во всем мире. Отмечается, что известна обширная переписка писателя с общественными деятелями Японии. Утверждается, что художественные и публицистические тексты русского классика оказали влияние на развитие национальной литературы Японии. Особое внимание уделяется вопросу включения в текст персонического мифа о Льве Толстом как основы толстовского текста в творчестве Акутагавы. Показано, что японский писатель обращается к истории о яснополянском мудром старце, используя в качестве сюжета рассказа «Вальдшнеп» эпизод примирения Тургенева с Толстым. В заключение авторы отмечают, что в поздних своих произведениях («Зубчатые колеса», «Жизнь идиота») Акутагава подвергает сомнению искренность веры Л. Толстого в Бога, оригинальным образом интерпретируя мифологему «Лев Толстой и религия».

Ключевые слова:

свертхтекст; именной текст; толстовский текст; биографический миф; миф о Л. Н. Толстом; русская литература XX века; Р. Акутагава.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The supertext in the works of one of the most popular and mysterious Japanese writers of the early 20th century — Ryunosuke Akutagawa examined in the article. The relevance of this study is due to the fact that the problem of considering supertexts is one of the promising interdisciplinary areas of modern humanitarian knowledge. It is pointed out that in literary criticism there are quite a few works on topos texts, but very few works devoted to the nominal supertext, which is Tolstoy's text. It is emphasized that Tolstoy's text began to be created especially actively at the beginning of the twentieth century, and Tolstoy's personality itself aroused interest not only in his homeland, but throughout the world. It is noted that the author's extensive correspondence with public figures in Japan is known. It is argued that the fiction and journalistic texts of the Russian classic influenced the development of the national literature of Japan. Particular attention is paid to the issue of including in the text the personal myth of Leo Tolstoy as the basis of the Tolstoy's text in the works of Akutagawa. It is shown that the Japanese writer refers to the story of the Yasnaya Polyana wise old man, using the episode of reconciliation between Turgenev and Tolstoy as the plot of the story "Woodcock". In conclusion, the authors note that in their later works ("Cogwheels", "The Life of an Idiot") Akutagawa questions the sincerity of L. Tolstoy's faith in God, interpreting the mythologeme "Leo Tolstoy and Religion" in an original way.

Key words:

supertext; nominal text; Tolstoy's text; biographical myth; the myth of L. N. Tolstoy; Russian literature of the XX century; R. Akutagawa.

Толстовский текст в творчестве Р. Акутагавы

© Курьянова В. В., Сегал Н. А., 2021

1. Введение

Интерес к семиотическим системам в литературоведении конца XX века был обозначен разработкой теории сверхтекстов. Научное исследование активно начало развиваться после работы В. Н. Топорова «Петербург и Петербургский текст русской литературы (введение в тему)» (1995), именно в этой статье впервые была представлена теория топического сверхтекста на примере петербургского. Ученый отметил, что наличие значимого внетекстового субстрата (в случае исследования В. Н. Топорова — Петербурга), на котором основывается широкий круг литературных произведений, позволяет выделить «некий синтетический сверхтекст, с которым связываются высшие смыслы и цели» [Топоров, 1995, с. 23]. Исследователь утверждал, что именно в этом синтетическом единстве наиболее ярко совершается «прорыв» в область символического, в некую высшую реальность. Единый центр притяжения для всех текстов обеспечивает целостность этого синтеза, а вместе с ним — эстетическое единство, логику выбора художественных образов, устойчивый набор лейтмотивов.

В. Н. Топоров не только дал базовое определение, но и указал на сущностные характеристики сверхтекстов: кросс-жанровость, кросс-темпоральность, кросс-персональность [Там же, с. 194]. Эти характеристики указывают на то, что вне зависимости от жанра художественного произведения, времени его написания и конкретного авторства текст способен включаться в один или несколько сверхтекстов. Потенциальная несочетаемость смыслов художественных текстов, образующих сверхтексты, при внимательном анализе исчезает, и обнаруживается «монолитность (единство и цельность) максимальной смысловой установки (идеи)», находящейся в центре сверхтекста [Там же, с. 279].

Работа В. Н. Топорова дала мощный импульс многочисленным исследованиям разнообразных сверхтекстов. Были выделены разные способы их типологизации. Характерным представляется в контексте значительного числа типологий данного феномена подмеченный А. Г. Лошаковым парадокс: «выделить типы текстов интуитивным путём гораздо легче, чем теоретически обосновать возможность их классификации», исследователь настаивал на междисциплинарном пути, при котором лингвистика текста должна следовать за литературоведением [Лошаков, 2008, с. 50]. А. Г. Лошаков разделяет

сверхтексты на «сбывшиеся» и «еще не сбывшиеся», также он предлагает два критерия для классификации феномена: во-первых, степень известности среди носителей культуры; во-вторых, специфику проявленной целостности. На основании данных критериев возможно разделение сверхтекстов на актуальные, актуализированные и потенциальные. Также исследователь предлагает выделять типы сверхтекста на основании качественной характеристики его центра, общности референта. По этому принципу А. Г. Лошаков выделяет событийный, локальный, именной серхтексты.

Другое основание для классифицирования, предложенное А. Г. Лошаковым, — автор и его роль в создании сверхтекста. Прежде всего выделяются «собственно авторские сверхтексты», объединяющие тексты одного или нескольких авторов (в этот тип входят и те случаи, когда автором является обобщенное лицо, например, народ). Эта категория распадается на индивидуально-авторские, коллективно-авторские, анонимно авторские разновидности. Наиболее легко вычленимы индивидуально-авторские сверхтексты, «они могут включать все тексты автора (авторов); тексты на определённую тему, написанные им (ими) в определённый период творчества и посвященные тому или иному лицу» [Андрюкова, 2012, с. 11]. Коллективно-авторские сверхтексты организованы общей мировоззренческой позицией коллектива и зачастую представлены журналами, газетами, сборниками. Анонимно-авторские представляют собой сверхтексты, которые образованы множеством анонимных произведений (например, анекдоты о Чапаеве; лозунги какой-либо партии).

Интересным представляется выделение квазиавторских сверхтекстов, образованных «вторичными текстами», созданными на основе первичных. К ним может быть причислен, например, весь корпус текстов исследовательских работ, посвященных творчеству того или иного писателя или творческой группы.

Для корректного выявления и последующей интерпретации сверхтекста необходимо придерживаться определённых принципов исследования. А. Г. Лошаков указал на необходимость профилированного прочтения (обоснованного Р. Бартом) круга текстов с установкой на целостность предполагаемого сверхтекста. Второе условие, непосредственно связанное с презумпцией целостности, — принцип «вненаходимости» исследователя (обоснованный М. М. Бахтиным), который позволяет свести к «единому формально-эстетическому ценностному контексту» различные контексты [Бахтин, 1986, с. 8] и совершить объективный отбор текстов, организующих сверхтекст, вне зависимости от времени их создания, отнесенности их стиля или жанра к той или иной литературной традиции, принадлежности к тому или иному автору (авторам).

2. Общие положения персонического текста о Льве Толстом

В. Н. Топоров заметил, что петербургский текст «сохраняет в себе следы своего внетекстового субстрата» и требует от читателя «умения восстанавливать («проверять») связи с внеположенным тексту» [Топоров, 2009, с. 644]. То есть уже на этапе разработки теории топического сверхтекста было отмечено, что именно внетекстовые связи отличают сверхтекст от интертекста. Здесь проходит четкое разграничение понятий «сверхтекст» и «интертекст». В литературе интертекстуальность предполагает включение того или иного образа в контекст конкретного художественного произведения, чаще всего в ходе анализа именно этого текста, в то время как сверхтекст — это цикл художественных текстов, притягивающихся к единому центру, роль которого играет определенный концепт.

Еще Р. Барт, взяв за основу семиотическую концепцию, разделяющую знак (по Барту — значение) на означаемое и означающее, назвал концепт означающим, закрепив за ним смысл. «Концепт всегда есть нечто конкретное, он одновременно историчен и интенционален, он является той побудительной причиной, которая вызывает к жизни миф» [Барт, 1989, с. 83]. В концепте заложены побудительные мотивы создания мифа. Через концепт в миф вводится определенная цепь событий, создающая систему художественного мира. Концепт определяет тип читателя, которому должен быть понятен генезис мифа на определенном уровне, для кого-то в меньшей степени, для кого-то в большей, но точно должен быть известен по крайней мере формой. Форма станет репрезентацией мифа. Таким образом, можно говорить о том, что концепт побуждает рождение мифа, а миф ложится в основу сверхтекста.

Толстовский текст, основанный на персоническом мифе о Л. Н. Толстом, является именным сверхтекстом наряду с пушкинским, лермонтовским, гоголевским и другими именными текстами русской литературы. Концепты персонических сверхтекстов обладают культурно-биографическими характеристиками, в случае толстовского текста таким центром становится Лев Николаевич Толстой — фигура, обладающая несомненным общемировым культурным значением и мифогенной биографией. Русский писатель выступает культурным героем по аналогии с героями архаичной мифологии, призванными в мир в конкретный момент, когда миру необходимо спасение, стремящимися восстановить гармонию, уравнивать хаос и порядок. Так воспринимали Толстого многие его современники и представители последующих поколений, интерпретируя мифологемы, создающие образ яснополянского гения. Эти мифологемы, знакомые и понятные реципиенту, и становятся репрезентацией толстовского мифа в XX веке.

Поэтому под толстовским текстом в литературе мы понимаем «семантически связанную с личностью писателя систему семиотически значимых кон-

стантных представлений (мифологем) о нём и его произведениях, являющихся знаковой манифестацией личности и творчества писателя и закреплённых в произведениях русской литературы. Толстовский текст оформляется и “прочитывается” обязательно и только с помощью единого для воспроизводящего и воспринимающего сознания интерпретирующего кода, который присущ писателю и читателю (зрителю, слушателю) как субъектам одного историко-литературного и социокультурного процесса» [Курьянова, 2019, с. 181—182].

Писательская мировая слава возникает ещё при жизни творца, тогда же появляется и миф о нём. Являвшийся, безусловно, прецедентной личностью, обладавший уникальным даром, удивительной харизмой, притягивающий к себе людей, Толстой, в силу обстоятельств, вел очень открытую частную жизнь, масштабную общественную, его образ не мог не мифологизироваться уже современниками. Но первоначальным автором персонального мифа становится сам герой, создавая автобиографический миф своими произведениями и дневниками. После трагической смерти писателя к Ясной Поляне было приковано внимание всего мира, миф о Толстом стал только шириться дальше и дальше. Не обошло вниманием великого русского писателя и зарубежное искусство.

Рюноске Акутагава — один из самых популярных писателей японской литературы — был увлечён русской литературой, интересовался жизнью и творчеством русских классиков. Одна из первых новелл, которая принесла ему известность, — «Нос» (1916), отсылающая читателя к творчеству Н. В. Гоголя, являющаяся переложением сюжета русской литературы на японский лад в духе восточной притчи. Далее интерес к русской литературе только развивается. Акутагава сам написал предисловие к первому изданию своих произведений на русском языке, в котором отметил, что русская литература имеет большое влияние и на японскую литературу, и на западную. Такой интерес и влияние русского искусства писатель связывал со сходством национальных характеров русских и японцев: «Среди всей современной иностранной литературы нет такой, которая оказала бы на японских писателей и даже скорее на японские читательские слои такое же влияние, как русская. Даже молодёжь, не знакомая с японской классикой, знает произведения Толстого, Достоевского, Тургенева, Чехова. Одного этого достаточно, чтобы стало ясно, насколько нам, японцам, близка Россия ...» [Акутагава, 1998, т. 4, с. 312]. Очень важное замечание для понимания функционирования биографического мифа русских писателей.

3. Толстовский текст в рассказе «Вальдшнеп»

Акутагава обращается к образу Льва Толстого в рассказе «Вальдшнеп» (1921), посвященном одному эпизоду непростых взаимоотношений двух

великих русских писателей — Л. Н. Толстого и И. С. Тургенева, — почерпнутому из мемуаров Ильи Львовича Толстого, переведенных «на японский язык с текста, печатавшегося в 1913 году в газете “Русское слово”, и вышедших под названием «Ко-но митару тити Торустой» в Токио, изд. Синтёса, в 1914 году, раньше, чем они вышли отдельным изданием в России» [Фельдман, 1974, с. 672]. Помимо этого, известно, что Акутагаве были знакомы не только многие записки о Толстом членов его семьи, но и биография писателя, написанная Бирюковым, дневники и статьи самого Толстого.

Илья Львович в своих воспоминаниях в начале главки «Тургенев», написанной практически в жанре научной статьи, ставит задачей «выяснить настоящую причину постоянных размолвок между этими двумя хорошими и сердечно любившими друг друга людьми, размолвок, доведших их до ссоры и взаимных вызовов» [Толстой]. Цель ясная, направленная на развенчание мифа, живущего в сознании общества, о ссоре двух писателей из-за литературного соперничества. Для Акутагавы как неореалиста (так он сам обозначал свой творческий метод) целью становится нечто иное: предложить читателю зарисовку, иллюстрацию собственных представлений о взаимоотношении двух людей, об отношении к правде и вымыслу. Из всей книги воспоминаний сына Толстого Акутагава «выбирает» наиболее характерные черты поведения и внешности писателя, уже на тот момент приближавшиеся к формам биографического мифа о нем.

В основу воспоминаний И. Л. Толстого положена история пребывания И. С. Тургенева в Ясной Поляне в 1880 году, через два года после «примирения» Л. Н. Толстого с ним. В воспоминаниях Ильи Львовича ровно так же, как и во многих других мемуарах (С. А. Толстой, С. Л. Толстого, Т. Л. Толстой, С. Берса и др.), основное внимание уделено желанию Толстого помириться с Тургеневым, то есть авторы обращаются к 1878 году, но Акутагава, упоминая о прошедшем сроке со дня примирения, использует именно эпизод охоты, как ему кажется, важный не только для показа взаимоотношений, но для отражения картинки из русской жизни. Воспроизводя пейзаж яснополянских мест, Акутагава считает необходимым подчеркнуть «поля ржи», «запах земли», не столько описывая пространство, сколько создавая образ самого хозяина этой земли. Встреча с деревенскими мальчишками, их поклон Льву Николаевичу, рассказ Толстого о занятиях с простыми ребятами, которых не он учит, а они его учат («слушая эту детвору, я учусь простым, прямым оборотам речи, о которых мы и понятия не имеем» [Акутагава, 1971, т. 1, с. 383]), также «работают» на биографический миф о Льве Толстом. Кроме того, это известные факты биографии писателя, но включенные безотносительно реального похода на охоту в определенный день, почерпнутые из остальных глав воспомина-

ний И. Л. Толстого. Доказывает знакомство Акутагава с другими рассказами о Толстом также кличка собаки — Дора, которая не названа И. Л., но есть, например, в мемуарах Т. Кузьминской.

Тургенев знаменит (и ценим Толстым) прежде всего циклом рассказов «Записки охотника», описание охоты, да и сама охота ему очень близки (об этом упоминает в рассказе и Акутагава: «В воображении Тургенева мелькнула картинка рассказа вроде главы из “Записок охотника”» [Там же, с. 384]; описания пейзажа, различных видов птиц, действительно, напоминают произведение Тургенева). Начинается тяга, Толстой отдает своему коллеге самое удобное место для охоты, но, несмотря на это, Тургеневу не везет, в то же время Лев Николаевич практически сразу убивает двух вальдшнепов.

С самого начала Акутагава противопоставляет внешность и манеры писателей согласно стереотипным представлениям и сложившимся уже к тому времени мифологемам: «По сравнению с грубоватым Толстым его [Тургенева] манера говорить была изящной и притом несколько женственной» [Там же, с. 382]. Ни Илья Львович, ни Сергей Львович внешность писателей так подробно не показывают и не противопоставляют, это исключительно мифологизированные константные представления о Толстом и Тургеневе, интерпретируемые Акутагавой.

Если писатели и дети Толстого названы японским автором вполне традиционно, исходя из мемуаров Ильи Львовича и клишированных фраз вроде «автор “Отцов и детей”», то Софья Андреевна названа «Толстой». Не Софьей Андреевной Толстой, не графиней Толстой, она называется просто «Толстой» — именование, ей не свойственное, как и любой женщине той эпохи (такое обращение по фамилии популярно в среде феминисток и активно будет использоваться в революционные годы). Японский писатель знакомился с русской литературой на английском языке, поэтому, например, миссис Толстая для него звучит вполне закономерно, хотя для мифологемы о жене великого русского писателя не типично, как и для русской традиции в целом.

Используя биографический миф о писателях, Акутагава также подчеркивает хорошее знакомство Тургенева с видами птиц, обитающими в средней полосе России: кто в какое время суток появляется, как поет и пр. Если Толстая заслушивается пением малиновки, «склонив голову набок», то Тургенев показывает себя знатоком.

Далее рассказ содержит только фабульную канву воспоминаний И. Л. Толстого, содержательно же он копирует знаменитую сцену тяги из «Записок охотника», из рассказа «Ермолай и мельничиха». «Небо еще але-ло», — пишет Акутагава [Там же, с. 383], «за четверть часа до захождения

солнца», «солнце село, но в лесу еще светло», — у Тургенева [Тургенев, 1979, с. 19].

Ветви деревьев, оплетавшие небо, туманно дымились — это, конечно, теснилась на них душистая молодая листва.

Из сумрачной глубины леса время от времени доносился легкий шорох еле заметного ветерка.

Из сумрачной глубины леса лился весенний аромат молодой листвы и запах сырой земли.

Тем временем небо стало как вода. Только там и сям белели стволы берез.

Малиновки и чижи поют, — как будто про себя сказала Толстая, склонив голову набок.

Вместо пения малиновок и чижей теперь изредка долетал крик поползня...

Но в глубине леса все уже погрузилось в вечерний сумрак.

Зяблик вдруг смолк. И на некоторое время в вечернем сумраке леса не слышалось ни звука. Небо ... замер малейший ветерок, небо понемногу окутывало безжизненный лес своей синевой, — и вдруг над головой с печальным криком пролетела иволга.

И вдруг, — пользуясь словами самого Тургенева, — «и вдруг — но одни охотники поймут меня», вдруг поодаль из травы с криком, в котором нельзя было ошибиться, взмыл вальдишнел [Акутагава, 1971, т. 1, с. 383—385].

... молодая трава блестит веселым блестящим изумрудом... Вы ждете. Внутренность леса постепенно темнеет; алый свет вечерней зари медленно скользит по корням и стволам деревьев, поднимается все выше и выше, переходит от нижних, почти еще голых, веток к неподвижным, засыпающим верхушкам...

Лесной запах усиливается, слегка повеяло теплой сыростью; влетевший ветер около вас замирает.

Деревья сливаются в большие чернеющие массы; на синем небе робко выступают первые звездочки.

Птицы засыпают — не все вдруг — по породам; вот затихли зяблики, через несколько мгновений малиновки, за ними овсянки.

В лесу все темней да темней.

Все птицы спят. Горихвостки, маленькие дятлы одни еще сонливо пошвыстывают... Вот и они умолкли. Еще раз прозвенел над вами звонкий голос пеночки; где-то печально прокричала иволга, соловей щелкнул в первый раз. Сердце ваше томится ожиданием, и вдруг — но одни охотники поймут меня, — вдруг в глубокой тишине раздается особого рода карканье и шипенье, слышится мерный взмах проворных крыл, — и вальдишнел, красиво наклонив свой длинный нос, плавно вылетает из-за темной березы навстречу вашему выстрелу [Тургенев, 1979, с. 19].

Приведенные выше примеры дают возможность показать, что Акутагава практически пересказывает «Записки охотника» Тургенева. Таким

образом, писатель в толстовский текст включает текст тургеневский, имеет место литературная игра с текстами. Акутагава, создавая ясно-полянское пространство с рекой Воронкой, дополняет его атмосферой ранних тургеневских произведений, что не только формирует хронотоп притчи о правде, но и в результате дает представление о жизни русских писателей и о русском дворянском быте средней полосы России XIX века в целом.

Событие в новелле субъективно. Мы видим случившееся глазами автора «Отцов и детей», который точно знает, что он застрелил вальдшнепа: *Попал! Камнем упал ...* [Акутагава, 1971, т. 1, с. 385]. И другой взгляд, автора «Анны Карениной»; он видит ситуацию совсем иначе: мертвого вальдшнепа не нашли, значит, Тургенев не попал. «В XX в. такая субъективизация понимания события связана с релятивизацией понятия объекта, времени и истины (в общем, всех традиционных онтологических объектов)» [Руднев, 1999, с. 285]. Последовательность произошедшего, а следовательно, и истина восстановлены только после находки мертвой птицы, которая застряла во время падения в ветках дерева (именно поэтому ее не нашла собака). Нашелся не просто вальдшнеп, нашлись любовь и дружба, которые когда-то давно были утеряны, но снова обретены: «Старики писатели переглянулись и, как будто сговорившись, расхохотались» [Акутагава, т. 1, 1971, с. 390]. Проблема разрешена, зарисовка примирения во время охоты двух великих писателей представлена. Отметим, что материалом для записок Тургенева были быт и нравы простых людей, как правило, крепостных, Акутагава же представил события из жизни великих.

4. Мифологема «Толстой и религия» в поздних произведениях Р. Акутагавы

Сложно решает японский писатель мифологему «Толстой и религия» в контексте интерпретации биографического мифа о Льве Толстом. Для Акутагавы мотивы смерти и безумия становятся определяющими в его позднем творчестве («Зубчатые колеса», «Жизнь идиота»), единственным выходом для человека писатель видит самоубийство, к которому он впоследствии и прибегает. Рюноске Акутагава уверен, что Толстой в Бога не верует, как любой разумный человек, а вынужден притворяться, потому что стал заложником собственной святости: «“Моя исповедь” и “В чем моя вера” — ложь. Но никто не страдал так, как страдал Толстой, рассказавший эту ложь» («Из слов пигмея») [Акутагава, 1971, т. 2, с. 253]. В этом произведении японский писатель не объясняет, чем он руководствовался, сделав такие выводы после прочтения биографии, написанной П. И. Бирюковым. В «Биографии Л. Н. Толстого» Бирюков как раз отталкивается и от объ-

яснений самого Толстого в «Моей исповеди» того, как он пришел к вере и какой долгий и трудный был этот путь.

В последующих текстах Акутагава развивает свою мысль. По его мнению, Толстой всю жизнь старался поверить в Бога: «Этот святой все силился поверить в Христа, в которого поверить, конечно, невозможно <...> Но самоубийцей он так и не стал — это видно хотя бы из того, что его сделали святым» («В стране водяных») [Там же, с. 331]. Но при этом Акутагава создает текст в рамках охранительной мифологемы о святости Л. Н. Толстого. Собственные представления о ничтожности человеческой жизни, практически маниакальное желание лишить себя ее и в то же время безусловное почитание Толстого заставляют сделать русского писателя неким единомышленником, убежденным, что Бога нет и выход может быть только один. В этом же контексте Акутагава решает проблему трагического ухода писателя: мучения героя от лживости своего положения, публичных признаний в вере и желания использовать «перекладину» в своем кабинете по назначению (понятному Р. Акутагаве).

5. Выводы

Образ Льва Толстого прочно закрепился в японской литературе и культуре начала XX века. В Ясную Поляну приезжали писатели из Японии, были среди них и толстовцы, художественная, публицистическая литература и мемуаристика активно переводились на японский язык, в местных театрах шли постановки пьес Толстого. Аллюзии, реминисценции, цитацию произведений великого русского классика можно найти в произведениях многих японских авторов. Все это работает на создание толстовского текста в японской литературе. Акутагава интерпретирует толстовский миф согласно своему модернистскому мировидению, будучи глубоко увлеченным как личностью русского классика, так и его творчеством. Персональный миф русского писателя и мыслителя в эпизодах его счастливой жизни в Ясной Поляне, спора с И. Тургеневым и трагического ухода в 1910 году становится основой именного сверттекста Л. Толстого в творчестве Р. Акутагавы.

Источники

1. *Акутагава Р.* Избранное : в 2 т. / Р. Акутагава. — Москва : Художественная литература, 1971.
2. *Акутагава Р.* Сочинения : в 4 т. / Р. Акутагава ; перевод с японского В. Гривнина, Н. Фельдман. — Москва : Полярис, 1998. — ISBN 5-88132-360-2.
3. *Толстой И. Л.* Мои воспоминания [Электронный ресурс] / И. Л. Толстой. — Режим доступа : <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/vospominaniya/tolstoj-i-l-moi-vospominaniya/glava-hvii-turgenev.htm>. (дата обращения 20.09.2020).

4. *Тургенев И. С.* Записки охотника / И. С. Тургенев // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. : сочинения : в 12 т. 1847—1874. — Москва : «Наука», 1979. — Т. 3. Записки охотника. — 528 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андрюкова Е. А.* К вопросу о сверхтексте в современном литературоведении : определение, типология, признаки / Е. А. Андрюкова // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. — 2012. — № 1 (73). — Ч. 2. — С. 8—12.

2. *Барт Р.* Миф сегодня / Р. Барт // Избранные работы : Семиотика : Поэтика : пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. — Москва : Прогресс, 1989. — С. 72—131. — ISBN 5-01-004408-0.

3. *Бахтин М. М.* Автор и герой в эстетической деятельности (фрагмент первой главы) / М. М. Бахтин // Литературно-критические статьи. — Москва : Художественная литература, 1986. — С. 5—26.

4. *Курьянова В. В.* Толстовский текст и миф о Л. Н. Толстом в творчестве И. Ильфа и Е. Петрова / В. В. Курьянова // Научный диалог. — 2019. — № 1. — С. 179—192. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-1-179-192.

5. *Лошаков А. Г.* Об авторской парадигме сверхтекстов / А. Г. Лошаков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2008. — № 71. — С. 50—57.

6. *Руднев В. П.* Словарь культуры XX века / В. П. Руднев. — Москва : Аграф, 1999. — 384 с. — ISBN 5-7784-0034-9.

7. *Топоров В. Н.* Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) / В. Н. Топоров // Миф. Ритуал. Символ. Образ : Исследования в области мифопоэтического : Избранное. — Москва : Издательская группа «Прогресс» — «Культура», 1995. — С. 259—367. — ISBN 5-01-003942-7.

8. *Топоров В. Н.* Петербургский текст / В. Н. Топоров. — Москва : Наука, 2009. — 820 с. — (Памятники отечественной науки. XX век). — ISBN 978-5-02-036015-0.

9. *Фельдман Н.* Примечания / Н. Фельдман // Акутагава Р. Новеллы (Библиотека всемирной литературы. Серия третья : Литература XX века). — Москва : Художественная литература, 1974. — С. 651—700.

MATERIAL RESOURCES

Akutagawa, R. (1971). *Favorites*: v. 2 t. Moscow: Fiction. (In Russ.).
Akutagawa, R. (1998). *Works*: v. 4 t. Moscow: Polaris. ISBN 5-88132-362-9. (In Russ.).
Tolstoy, I. L. *My memories*. Available at: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/vospominaniya/tolstoj-i-l-moi-vospominaniya/glava-hvii-turgenev.htm>. (In Russ.). (accessed 20.09.2020).
Turgenev, I. S. (1979). Notes of a hunter. In: *Complete collection of works and letters*: v. 30: essays, 12 (3). 1847—1874. Moscow: Nauka. 528 p. (In Russ.).

REFERENCES

Andriukova, E. A. (2012). On the question of the supertext in modern literary studies: definition, typology, signs. *Bulletin of the I. Ya. Yakovlev ChSPU*, 1 (73); 2: 8—12. (In Russ.).
Bakhtin, M. M. (1986). Author and hero in aesthetic activity (fragment of the first chapter). In: *Literary and critical articles*. Moscow: «Fiction». 5—26. (In Russ.).

- Bart, R. (1989). Myth today. In: *Selected works: Semiotics: Poetics*. Moscow: Progress. 72—131. ISBN 5-01-004408-0. (In Russ.).
- Feldman, N. (1974). Notes. In: *Akutagawa R. Novellas (Library of World Literature. Series three: Literature of the XX century)*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 651—700. (In Russ.).
- Kuryanova, V. V. (2019). Tolstoyan Text and Myth of L. N. Tolstoy in Works by I. Ilf and E. Petrov. *Nauchnyi dialog, 1*: 179—192. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-1-179-192. (In Russ.).
- Loshakov, A. G. (2008). About the author's paradigm of supertexts. *Proceedings of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, 71*: 50—57. (In Russ.).
- Rudnev, V. P. (1999). *Dictionary of culture of the XX century*. Moscow: Agraf. 384 p. ISBN 5-7784-0034-9. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (1995). Petersburg and «The Petersburg text of Russian literature» (Introduction to the topic). In: *Myth. The ritual. The symbol. Image: Studies in the field of mythopoetic: Favorites*. Moscow: Progress — Culture. 259—367. ISBN 5-01-003942-7. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (2009). *Petersburg text*. Moscow: Nauka. 820 p. (Monuments of Russian Science. XX century). ISBN 978-5-02-036015-0. (In Russ.).